

Гусельцева М.С. Творческое наследие И.Тэна и Д.Н.Овсянико-Куликовского: культурно-психологическая эпистемология

English version: [Guseltseva M.S. The creative heritage of I.Taine and D.N.Ovsyaniko-Kulikovsky: cultural-psychological epistemology](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Предлагается сравнительный анализ творческого наследия французского мыслителя И.Тэна и отечественного ученого Д.Н.Овсянико-Куликовского. Культурно-историческая методология И.Тэна не была сформулирована в виде целостной концепции, но рассыпана по отдельным сочинениям автора. На рубеже XIX–XX веков наследие И.Тэна творчески осваивалось культурно-исторической и психологической школами в отечественном литературоведении и явилось важным источником становления российской культурно-психологической эпистемологии. Постнеклассическая методология позволяет выявить в творчестве И.Тэна и Д.Н.Овсянико-Куликовского приемы микроанализа и культурно-психологического анализа.

Ключевые слова: И.Тэн, Д.Н.Овсянико-Куликовский, психология, история, междисциплинарный дискурс, культурно-психологический анализ, культурно-психологическая эпистемология

Ипполит Тэн. Методология гуманитарного знания, психологический анализ исторических и литературных источников

Ипполит Тэн (21 апреля 1828 – 5 марта 1893) – публицист, литературный критик, искусствовед, историк, философ и психолог. Ипполит Тэн – недостаточно востребованный на сегодняшний день мыслитель как в отечественной, так и в зарубежной гуманитарной науке, а между тем его наследие отличается разнообразием творческих проектов, оригинальностью рассуждений и проницаемостью дисциплинарных границ. Его интеллектуальному стилю был присущ междисциплинарный дискурс, однако широта интересов и разброс тем явно не вписывались в позитивистски настроенную эпоху. Так, Э.Дюркгейм полагал, что литературная форма, которую И.Тэн придавал своим размышлениям, не позволяла тому быть глубоким мыслителем. И в XIX, и в XX вв. творчество И.Тэна не укладывалось ни в одну из существующих парадигм, а претендовало на создание собственной. Не удивительно, что академическая карьера И.Тэна в такой ситуации складывалась не вполне удачно [Шарль, 2005], а признание, как это часто случается с опередившими свое время мыслителями, пришло лишь десятилетия спустя.

В 1864 г. И.Тэн опубликовал капитальный труд «История английской литературы», в 1865–1869 гг. выпустил ряд монографий об искусстве, составивших впоследствии сборник «Философия искусства» [Тэн, 1996], в 1870 г. появилось его исследование способности познания, 1880-е годы он посвятил труду над пятью томами «Происхождения современной Франции» [Тэн, 1907]. В 1872 г.

вышла работа И.Тэна «Об уме и познании» (De l'intelligence) – результат отклоненной Сорбонной докторской диссертации [Тэн, 1872]. (Согласно Н.И.Карееву, диссертация И.Тэна об ощущениях не была пропущена словесным факультетом за вольномыслие [Кареев, 1924]).

Историки науки и авторы энциклопедических статей пытались поместить творчество И.Тэна в парадигму позитивизма. Однако его позитивизм (как и рационализм З.Фрейда) представлял собой внешний интеллектуальный слой, приобретенный в ходе обучения в *École normale*. Позитивизм И.Тэна – не социологический позитивизм в духе О.Конта, а позитивизм натуралиста, отдающего предпочтение собственным наблюдениям, деталям и эмпирическому методу. «...Мы не поставлены в необходимость делать предположения, сомнительные дивинации, неопределенные указания. ...Мы наблюдаем самих людей, их внешние черты, их внутренний мир» [Цит. по: Кареев, 1924]. В сочинении «Французская философия первой половины XIX-го века» И.Тэн критиковал метафизиков и позитивистов, рассматривая их как два крайних полюса: «Спиритуалисты изгоняют причины из предметов; позитивисты изгоняют их из науки» [Тэн, 1896, с. 6].

Если позитивизм И.Тэна как дань его интеллектуальной социализации устарел вместе с ушедшей эпохой, то междисциплинарный дискурс и проект гуманитарного знания в качестве единой науки находит в современной эпистемологии особый отклик. «Множество различных религий и противоположных философий, множество поверженных истин и поддерживаемых заблуждений показали, что водворение или падение мнений зависит не от нелепости и очевидности их, а от соответствия или противоречия между ними и состоянием умов. Вот почему догматы изменяются сообразно с веком и сообразно с народом» [Тэн, 1896, с. 174].

Культурно-историческая методология И.Тэна не сформулирована в виде положений программной статьи, но рассыпана по его разным сочинениям [Тэн, 1872, 1896, 1987, 1996]. И.Тэн занимался «отвлеченной философией, психологией, историей искусства и изящной литературой, т.е. вопросами человеческого духа и духовной культуры» [Кареев, 1924]. Задолго до смены парадигмы в исторической науке (от политической и социальной истории – к культурной) он реконструировал культурную историю Греции, Италии, Англии, Франции, Нидерландов. «В самой истории он видел чисто психологическую задачу» [Кареев, 1924]. В качестве источников реконструкции духовного мира человека определенной культурно-исторической эпохи И.Тэн рассматривал литературу, философию, искусство, науку, религиозные сочинения, мемуары, записки путешественников, хранящиеся в архивах деловые бумаги. Он обладал исследовательским даром реконструировать из этого разнородного материала повседневный мир человека.

Исторические и литературные источники И.Тэн трактовал как документальные свидетельства коллективной и индивидуальной психологии прошедших эпох. Его методологический проект предполагал создание гуманитарной науки как таковой в результате синтеза философии, истории, этнографии, литературоведения и ряда других смежных дисциплин. Психология в этом проекте представляла как своего рода посредник между естественным и гуманитарным знанием. В отличие от позитивистов, упрощающих и формализующих исследуемую реальность, И.Тэн подчеркивал сложность социокультурных и культурно-психологических феноменов, требующих многофакторного анализа. Так «позитивист» И.Тэн стал создателем *культурно-исторической методологии*.

Н.И.Кареев отмечал, что, несмотря на декларируемый позитивизм и натурализм, И.Тэн оставался художником слова: если сравнивать его труды с сочинениями А.Токвиля, то бросается в глаза, что это труды психолога, а не социолога. Так, композиция первого тома «Происхождения современной Франции» состоит из пяти книг: «Строение общества», «Нравы и характеры», «Дух и доктрина», «Распространение доктрины», «Народ». В большей степени это отвечает категориям психологического, а не социологического содержания, но даже в социологических разделах И.Тэн предстает не социологом, а бытописателем [Кареев, 1924]. В творчестве И.Тэна, рассматриваемом нами сегодня через методологическую оптику постнеклассической рациональности [Гусельцева, 2009], могут быть обнаружены элементы микроанализа (связанного с критическим вниманием к

факту и событию) и культурно-психологического анализа. Интеллектуальному стилю И.Тэна присущ охват богатого эмпирического материала. «Он оперирует... массами фактов, накапливая однородные факты, анализируя их и размножая посредством анализа, указывающего на сложность каждого факта, синтетически сводит их к общим категориям или причинам, дает формулы, их объясняющие, в то же время ища в отдельных людях или группах то, что он называет *la faculté maîtresse*, то есть главную способность, господствующую черту ума, характера, настроения или основное свойство положения» [Кареев, 1924].

Обратим внимание на разное понимание аналитического метода в контексте позитивистской и культурно-исторической парадигм. В последней аналитик – явно не тот, кто расчленяет реальность, а кто анализирует ее, не разрывая многообразия сетевых связей, в жизненной паутине хитросплетений, и в конце концов выносит *синтетическое* суждение, предлагает «насыщенную» (*thick description*, К.Гирц) интерпретацию. «Ум извлекает отрывок, но в то же мгновение признает, что это извлечение или отвлечение есть чисто фиктивное и что если отрывок существует отдельно, то лишь потому, что ум его отделил. В самом деле, лишь для изучения мы отделяем одни события от других; в действительности они составляют непрерывную сеть, которую наш ум произвольно разграничивает на отделы» [Тэн, 1872, с. 212].

Критический анализ И.Тэна представляет собой проникновение в культурно-исторический контекст, в психологию художника, выявление взаимосвязи произведения и внутреннего мира автора, влияния, вносимого научной школой, подходом, творческим стилем эпохи (доминирующие черты, тенденции). «По строю языка и по роду мифов можно прозреть будущую форму религии, философии, общества и искусства...» [Тэн, 1996, с. 279]. Культурно-психологический анализ превращает разрозненную массу фактов в ряд эмпирических обобщений. Анализировать – «значит истолковывать», усматривать за фактами смыслы, а за смыслами факты. «Фаталистическая аксиома превращается в факт политической истории и группу нравственных привычек; мы понимаем ее и потому можем ее оспаривать, проверять, доказывать, опровергать и ограничивать» [Тэн, 1896, с. 196]. «Во внешнем выражается внутреннее, в истории проявляется психология, в лице отражается душа. Анализ присоединяет нравственный мир к физическому и пополняет события чувствами» [Тэн, 1896, с. 202]. Такой подход по праву может быть обозначен культурно-аналитическим.

Для изучения культурно-психологической реальности как исследовательского объекта повышенной сложности И.Тэн ввел ряд аналитических категорий – «среда», «раса», «момент», «господствующая способность». «Среда» трактовалась И.Тэном в характеристиках ее онтологической сложности и многообразия: сюда относились климат, ландшафт, природные и географические особенности, социальная организация. Категория «расы» указывала на этнические традиции и национальные отпечатки. Под расой он понимал «врожденные наследственные свойства, которые человек приносит с собою в свет и которые обычно сопровождаются отклонениями в зависимости от темперамента и строения организма» [Цит по: Козина, 1939, с. 464]. «Момент» подчеркивал важность анализа преходящей культурно-исторической эпохи и сменяющих друг друга интеллектуальных традиций. «Господствующая способность» – своего рода пассионарность, творческая сила, направляющая развитие художника и служащая ядром его индивидуально-психологических особенностей (выбора определенных тем, влияний и т.п.) – характеризовала мотивацию, идущую от внутреннего мира личности.

Согласно данной концепции, такие сложные культурно-психологические феномены, как психология народа, ментальность (человеческая психика), идеология и художественные произведения, следовало анализировать в четырехмерной системе координат – «расы», «среды», «момента», «господствующей способности». Иными словами, требовался анализ, учитывающий факторы наследственности (биологический контекст), культуры (культурологический контекст), ситуации (ситуативный контекст) и личности (психологический контекст). Произведение рассматривалось в связи с художником, художник – в отношениях с его школой, школа – в контексте культурно-исторической эпохи и интеллектуальной традиции, а эпоха – как звено в цепи

веков.

Взаимодействие как минимум четырех факторов, лежащее в основе эволюции ментальности и культуры, позволяло проследивать как универсальные, так и уникальные качества. «Какая-нибудь раса, например древнеарийский народ, поселившийся во всех климатах, стоящий на всех ступенях цивилизации, преобразованный тридцатью веками революций, обнаруживает все же в своих языках, религиях, литературах и философиях кровное духовное родство» [Цит. по: Козина, 1939, с. 464]. Идеи эволюции и выделения типов были заимствованы И.Тэном из биологии и перенесены в искусствоведческий и литературоведческий контексты. «Произведения человеческого ума, как и произведения живой природы, объясняются лишь своими средами» [Тэн, 1996, с. 12]. опережая М.Фуко, И.Тэн предложил свой «генеалогический» и археологический метод: «Время скребет, раскапывает нас, как землекоп почву, и обнажает этим нашу нравственную геологию...» [Тэн, 1996, с. 274].

Согласно И.Тэну, по своей структуре человеческая душа состоит из разнородных пластов чувств и идей, инстинктов и способностей, расположенных определенными слоями. Аналогичным образом в психологии народа он выделял пласты, следующие от поверхностных к более глубоким: *нравы, понятия, строй ума* – время моды (держится 3–4 года); *чувства и идеалы* – время поколения (историческая эпоха, составляющая 20–40 лет); *ментальная форма* длится весь культурно-исторический период (длинный, как Средневековье, или короткий, как Классицизм); *национальная основа* – более глубокое образование; *племенная основа* – еще древнее; базовой же является *общечеловеческая основа*. «Это и есть первобытный гранит; он длится во всю жизнь народа и служит основным кряжем для всех позднейших слоев, которые в последовательные периоды оседают на поверхность. Станете вы искать и того ниже, вы найдете еще более глубокие основания – те темные и гигантские пласты, которые начинает теперь освещать лингвистика. Под народными характерами лежат племенные. Некоторые общие черты выдают исконное сродство между различными по гению или духу народами; латины, греки, германцы, славяне, кельты, персы, индусы – все это отпрыски одного и того же древнего корня; ни переселения, ни помеси, не перемены темперамента не могли заглушить в них некоторых философических и социальных наклонностей, некоторых общих им приемов в постижении нравственности, в понимании природы, в способе выражать мысль» [Тэн, 1996, с. 278]. Соответственно слоям характеров и народов И.Тэн выделял слои художественных произведений (мода, поколение, историческая эпоха и т.д.), отмечая, что «самые устойчивые характеры, как в истории людского быта, так и в истории естественной, всегда самые элементарные, самые постоянные и самые общие из всех» [Тэн, 1996, с. 278–279].

Важной исследовательской темой для И.Тэна выступали вопросы художественного творчества и появления великих произведений искусства. Подход И.Тэна, если оценивать его в современных терминах, был проблемно-ориентированным: именно творчество в качестве сквозной исследовательской проблемы создавало связь разных наук. Значимую роль как в художественном творчестве, так и в развитии индивидуальности художника играет среда. «...Гении и таланты даются так же, как и семена, т.е. в одной и той же стране в различные эпохи... бывает одинаковое число даровитых людей и посредственностей. <...>. «Необходима известная нравственная температура, чтобы некоторые таланты достигли своего развития» [Тэн, 1996, с. 33]. Существенными факторами для появления великого произведения, согласно И.Тэну, являются образованность, художественные образы (воображение) и особенности окружающей культурной среды, задающей те или иные мотивы художественного произведения.

На рубеже XIX–XX вв. взаимный интерес историков и психологов был характерен как для российских, так и для французских ученых, но едва ли не первым о коммуникации этих наук заговорил И.Тэн. «Историк изучает прикладную психологию, а психолог изучает общую историю» [Тэн, 1872, с. IV]. Историки показывают общие тенденции на примере конкретных личностей: «Карлейль написал психологию Кромвеля, Сен-Бев – Пор-Рояля; Стендаль двадцать раз написал психологию Итальянца; Ренан дал нам психологию Семита. Всякий проницательный и философский историк трудится над психологией какой-нибудь эпохи, какого-нибудь народа или

племени; изыскания лингвистов, мифологов, этнографов не имеют иной цели; дело всегда идет о том, чтобы описать человеческую душу или общие черты некой естественной группы человеческих душ; и то, что историки делают относительно прошедшего, великие романисты и драматурги делают относительно настоящего» [Тэн, 1872, с. V].

В один из периодов своего творчества И.Тэн даже рассматривал историю в качестве основы психологии, доказывая, что именно историки – Ж.Мишле, О.Тьерри, Ш.Сен-Бев и многие другие – «написали психологию народов, личностей, веков и наций» [Тэн, 1896, с. 182]. Так, Гизо в своих работах «разобрал механизм цивилизации» [Там же]. Сама же история как наука нуждается в опоре на развитие литературы. «Сто лет назад историческая наука преобразовалась в Германии, шестьдесят лет назад – во Франции, и причиной тому стало изучение литератур. Обнаружилось, что произведение литературы не просто игра воображения, своевольная прихоть пылкой души, но снимок с окружающих нравов и свидетельство известного состояния умов. Отсюда заключили, что по литературным памятникам возможно судить о том, как чувствовали и мыслили люди много веков назад» [Тэн, 1987, с. 72–73]. Таким образом, психология, история и литературоведение составили первые звенья сети гуманитарного знания в качестве методологического инструментария, позволяющего «ловить» сложные культурно-психологические феномены.

Если литературное произведение – не только «игра воображения», но «точный снимок окружающих нравов и признак известного состояния ума», то культурно-психологический анализ литературных источников позволяет обнаружить «психологию души и психологию века». Психологический анализ исторических и литературных источников, согласно И. Тэну, проливал свет на закономерности культурно-исторического процесса, поскольку человеческая психика трактовалась им как движущая сила истории; «так же, как астрономия есть в сущности механическая задача, а физиология – задача химическая, так и история есть только психологическая задача» [Тэн, 1987, с. 72–73].

Культурно-исторический метод И.Тэна привлек внимание к анализу источников. «Они лишь слепок, подобный ископаемой раковине, отпечаток, схожий с тем, что оставлен на камне некогда жившим и умершим животным. В раковине жило животное, в документе отразился человек. Зачем изучаете вы раковину, если не затем, чтобы представить себе животное? Точно так же документ вы изучаете для того, чтобы узнать человека. И раковина, и документ не более чем мертвые обломки, чья ценность только в том, что они указывают на целостное и полное жизни существо. До него-то и следует нам добраться, его-то и нужно пытаться восстановить» [Тэн, 1987, с. 73]. Грамотный анализ религиозного трактата позволяет реконструировать личность, создавшего трактат религиозного деятеля. За каждым сонетом скрывается поэт. Художественное произведение не существует само по себе – оно есть след как культурно-исторической эпохи, так и человеческой личности. «Ничто не существует вне индивидуума; только самого индивидуума и нужно нам узнать» [Тэн, 1987, с. 73]. «Подлинная история начинает возникать в тот момент, когда историк впервые различает сквозь толщу времен человека – человека живого, действующего, с его страстями и привычками, голосом и внешностью, манерами и платьем, и различает весь его облик так же ясно, как облик прохожего, которого мы сейчас повстречали на улице» [Тэн, 1987, с. 73]. «Таким же образом, читая греческую трагедию, мы должны прежде всего позаботиться о том, чтобы представить себе греков – полунагих людей, чья жизнь проходила в гимназиях и на площадях, под ослепительным небом, среди самых гармонических и величественных пейзажей, и которые либо упражняли силу и ловкость своего тела, либо предавались беседам и спорам, голосовали на собрании и совершали пиратские набеги во славу родины; в остальном же были умеренны и праздны, из всей домашней утвари довольствовались тремя амфорами и предпочитали всем припасам пару анчоусов и кувшин масла; им прислуживали рабы, и потому у них было довольно досуга, чтобы изощрять свой ум и развивать члены, не зная иных забот, кроме желания иметь самый прекрасный город, самые пышные процессии, самые возвышенные понятия и самых красивых людей» [Тэн, 1987, с. 74].

Однако установка на «позитивную науку» оставалась важной для исследователя, и культурно-

исторический метод дополнялся критическим методом: критика в целом рассматривалась И.Тэном как отдельная наука. Достоверность и объективность знания, согласно его учению о познавательной способности, достигается благодаря «взаимной согласованности представлений». Психология же, как уже отмечалось, выступала в роли коммуникативного посредника между естественными и гуманитарными науками, например физиологией и литературой. «Если психология – наука, то предметом ее должно служить открытие неизвестных, недоступных непосредственному наблюдению фактов; если же ею пренебрегают, то это потому, что она их не открывает» [Тэн, 1896, с. 203]. Сознание «недостаточно для изысканий психологии, как простой глаз для изыскания оптики» [Тэн, 1872, с. II]. И.Тэн полагал, что, с одной стороны, психология должна расширить свой предмет – выйти за пределы сознания и индивидуума к анализу реальных культурно-исторических контекстов, а с другой стороны, обогатить свой методологический инструментарий, сотрудничая со смежными науками. «Для того чтобы увеличить число наблюдаемых фактов, нужно преобразовать орудие наблюдения. Историк изобрел себе термометр: это его собственная душа. Наблюдая самого себя, изучая людей, сочиняя и действуя, он, в конце концов, открыл различные роды чувств...» [Тэн, 1896, с. 202].

Среди наиболее фундаментальных трудов И.Тэна могут быть названы «История английской литературы» (*Histoire de la littérature anglaise*, 1864), «Философия искусства» (*Philosophie de l'art*, 1865–1869), посвященная сравнительному анализу греческой, итальянской и голландской живописи, скульптуры и архитектуры, философско-психологический труд «Об уме и познании» (*De l'intelligence*, 1870) (на рус. яз. см., соответственно: [Тэн, 1987, 1996, 1872]).

В «Истории английской литературы» И.Тэн поставил перед собой культурно-психологическую задачу – «раскрыть внутренний механизм, движением которого варвар-англосакс обратился в современного англичанина» [Козина, 1939, с. 465]. Именно во введении к данной работе он изложил концепцию взаимодействия расы, среды, момента и «господствующей способности», а затем продемонстрировал ее на материале английской литературы. Он показал, каким образом климат, ландшафт, религия, социальная организация и культурные традиции оказали влияние на эволюцию ментальности англосаксов и как на основе литературных памятников можно судить о психологии народа. В сочинении «Философия искусства» он доказывал, что художественное произведение представляет собой часть жизни художника, поэтому «чтобы понять какое-либо художественное произведение, художника или школу художников, необходимо в точности представить себе общее состояние умственного и нравственного развития того времени, к которому они принадлежат» [Тэн, 1996, с. 10]. По сути дела, литературоведение заявило здесь о необходимости союза с психологией и историей культуры. Если свои изыскания в сфере культурной истории И.Тэн трактовал как «частные психологии», то исследование способности познания считал «общей психологией», надеясь со временем «к теории ума присоединить теорию воли» [Тэн, 1872, с. V].

Пяти томный труд «Происхождение современной Франции» (в котором три состояния Франции – дореволюционное, революционное и постреволюционное – И.Тэн сравнил с метаморфозой насекомого) является выдающейся книгой по культурно-исторической психологии. Данное исследование психологии французской революции и ее лидеров, психологии народа позволяет понять российскую действительность не только начала XX века, но и рубежа XX–XIX вв. В отличие от Ж.Мишле, он не идеализирует народ: если у первого народ предстает в идеализированном образе как герой, то у И.Тэна на историческую сцену выходит народ-дикарь [Кареев, 1924][1]. Так, якобинцы для И.Тэна – особый психологический тип, с ключевыми характеристиками: самомнение, самолюбие, отвлеченный догматизм.

Важно отметить, что культурно-психологический анализ И.Тэна, с одной стороны, продемонстрировал как определенные типы личности появляются в конкретной культурно-исторической ситуации, а с другой стороны, как тот или иной тип личности может быть реконструирован на основе анализа литературных источников[2]. «Никто из прежних общих историков революции не применял к якобинцам силы психологического анализа, как именно Тэн, и сколько бы ни было преувеличений в его характеристике якобинизма, характеристика в основе

своей верна как выведенная из фактов и факты объясняющая. Тэн анализировал и идеологию якобинца, вскрыв в ней внутреннее противоречие: выступив защитниками свободы и народовластия, они осуществляли принципы авторитета и правительства, корень чего Тэн видит не во внешних обстоятельствах, а в том, что гордость выродилась в якобинцах в самомнение, догматизм – в самоуправство. Добившись своего в крайнем своем самомнении, они проявили величайшее презрение к убеждениям и совести других, а в крайнем самоуправстве – беззастенчивость в распоряжении чужой жизнью и достоянием. Из этих двух основных черт выросла третья – необычайная озлобленность, даже к теоретическому разногласию относившаяся как к достойному казни преступлению» [Кареев, 1924].

Заметим, что практически все работы И.Тэна оперативно переводились на русский язык. Так, в конце XIX – начале XX вв. были переведены следующие сочинения: «Критические опыты» (1869), «Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы» (1871), «Очерки современной Англии» (1872), «Об уме и познании» (1872), «Новейшая английская литература в современных ее представителях» (1876), «Происхождение общественного строя современной Франции» (1880), «Тит Ливий. Критическое исследование» (1885), «Чтения об искусстве» (1889), «Философия искусства» (1933), «Французская философия первой половины XIX в.» (1896), «О методе критики и об истории литературы» (1896) «История французской революции» (1906–1913), «Путешествие по Италии» (1913–1916) [Козина, 1939].

Методология И.Тэна легла в основу культурно-исторической школы (к которой принадлежали такие разные ученые, как Ж.Бедье, Г.Брандес, Ф.Брюнетьер, Г.Гетнер, Г.Лансон, В.Шерер, А.А.Потебня, А.Н.Пыпин[3], Н.С.Тихонравов и Д.Н.Овсянко-Куликовский). Культурно-психологический анализ, рассматривающий творчество в связи с мировоззрением, а мировоззрение – в связи с духом эпохи, позволял совершать переходы от категорий культуры к смысловым структурам сознания и внутреннему миру человека, скользить с макроуровня на микроуровень и наоборот, проследивать, как ценности культуры обретают воплощение в индивидуальном поведении личности.

Творчество И.Тэна привлекло внимание не только российских литературоведов, но и философов, историков, этнографов (среди них – Л.П.Карсавин, П.А.Кропоткин, А.Н.Пыпин, П.М.Сакулин). В книге Н.И.Кареева «Историки французской революции» анализу «Происхождения современной Франции» И.Тэна посвящены целых две главы. Н.И.Кареев охарактеризовал И.Тэна как мастера художественного слова и психолога: «...езде у него на первом плане психология, психология и психология и описание внешних вещей, в которых проявляются настроения, нравы и идеи людей» [Кареев, 1924]. Историописание И.Тэна – «описание быта, нравов, характеров, история не столько событий, а именно быта, не прагматическая... история, а культурная с преобладанием притом психологического интереса над социологическим». Произведения И.Тэна передают не столько ход исторических событий, сколько колорит эпохи, способы управления и осуществление правосудия, нравы и обычаи, образ действий правительства, «поведение разных классов общества, условия их материальной жизни, все это и многое другое нашли в лице Тэна изобразителя, слишком страстно... ко всему относившегося, чтобы иметь вид беспристрастного исследователя, но собравшего массу фактического материала и подвергшего его анализу, классификации и обобщениям» [Кареев, 1924]. Л.П.Карсавин, усматривающий кризис исторического знания в связи с «распадом целостного знания на самодовлеющие дисциплины» и утратой «идеи человечества», защищая И.Тэна от нападок его коллеги по цеху Ф.Олара, писал: «Олар обнаружил у Тэна целый ряд ошибок и неточностей. Тем не менее Тэн остается одним из величайших мастеров истории, а Олар со всею своею акрибией[4] не поднимается над уровнем шаблонного собирателя материала и фафнера[5], к тому же не свободного от предвзятостей» [Карсавин, 1993, с. 218].

В XX в. позитивизм И.Тэна был оставлен в прошлом, а в будущее отправился культурно-исторический способ анализа произведений литературы и искусства, человека и его эпохи. Методологические установки И.Тэна могут быть охарактеризованы нами сегодня как в категориях эклектики, так и междисциплинарного дискурса, «системного плюрализма». И.Тэн предложил

модель развития как гуманитарного знания в целом, так и психологии в качестве науки, ввел в оборот понятие «научного капитала» (ср. с «культурным капиталом» П.Бурдьё и «интеллектуальным капиталом» К.Шарля). Самые разнообразные источники в его подходе предстали как «свод документов о коллективной и индивидуальной психологии» того или иного народа. Весь методологический проект И.Тэна – культурно-исторической парадигмы как таковой (в результате синтеза знания философии, истории, искусствоведения и других смежных наук) – оказался близок интеллектуальной традиции российской культуры рубежа XIX–XX вв.

Д.Н.Овсяннико-Куликовский. Культурно-психологический анализ, психология художественного творчества

На рубеже XIX–XX вв. культурно-психологическая проблематика активно разрабатывалась не только в истории, но и в литературоведении. Дореволюционная эпистемологическая ситуация предлагала широкий выбор подходов: от рационализма до эмпиризма, от интроспекции до объективизма, от неокантианства и позитивизма до материализма и феноменологии. Важным источником методологии *культурно-исторической школы* в отечественном литературоведении послужило наследие И.Тэна. Культурно-исторический подход взял на вооружение идею контекста – анализа произведения в связи с биографией художника и интеллектуальными традициями его школы, анализа мировоззрения – в отношении с духом эпохи. Такой метод, как было показано выше, И.Тэн применил к анализу французской революции, продемонстрировав одичание народа и появление психологического типа «якобинцев». Отметим, что к анализу психологии французского народа и ее динамики в ходе французской революции обращались такие авторы, как Т.Карлелль, А.Фуллье, О.Кабанес и Л.Насс, однако И.Тэн явился выдающимся представителем психологической историографии, и именно на его концепцию ориентировались российские представители культурно-исторической школы.

Российское литературоведение рубежа XIX–XX вв. представляло собой разнообразие подходов и научных школ, однако наиболее влиятельных было три: *мифологическая школа* (Ф.И.Буслаев, А.Н.Афанасьев, О.Ф.Миллер, А.А.Котляревский) ориентировалась на германские методологические традиции; *культурно-историческая школа* (А.Н.Пыпин, Н.С.Тихонравов) опиралась на труды И.Тэна и Ш.Сент-Бёва; *сравнительно-историческая школа* (А.Н.Веселовский) сочетала германские и французские методологические традиции с отечественной самобытностью (литературу здесь рассматривали как промежуточное звено духовной жизни и эволюции культуры); *психологическая школа* (А.А.Потебня, Д.Н.Овсяннико-Куликовский) происходила из культурно-исторического направления, поставив во главу угла проблемы взаимоотношения языка и мысли, особенности художественного и научного мышления, литературы и социальной психологии, психологии творчества и эстетического восприятия.

Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский (23 января 1853 – 9 октября 1920) – филолог, литературный критик и литературовед, психолог, историк культуры – был представителем психологического направления в русском литературоведении, соратником А.А.Потебни (который в свою очередь являлся основателем отечественной культурно-исторической школы и вдохновителем так называемой харьковской группы, куда входили его коллеги А.Горнфельд, Т.Райнов, Б.Лезин).

Напомним, что методология культурно-исторической школы базировалась преимущественно на применении историко-генетического метода к анализу художественного творчества. Такой способ культурно-психологического анализа получил наиболее четкое обоснование именно в трудах И.Тэна, доказывавшего, что «искусства появляются и исчезают одновременно с появлением и исчезновением известных умственных и нравственных состояний, с которыми они связаны» [Тэн, 1996, с. 10]. Судьба же течений искусства обусловлена сложным сочетанием четырех факторов: «расы» (национальный характер), «среды» (климат, ландшафт, природные и социальные катаклизмы), «момента» (культурно-историческая ситуация и интеллектуальная традиция),

«господствующей тенденции» (социально-психологической мотивации художников).

Круг исследовательских интересов Д.Н.Овсяннико-Куликовского включал в себя языкознание, литературу, психологию, социологию, философию, востоковедение (изучал санскрит), историю культуры. В 1887 г. в Одесском университете он защитил докторскую диссертацию «К истории культа огня у индусов в эпоху Вед», которая спустя два года в сокращенном изложении (*Les trois feux sacres du Rig-Veda*) была опубликована в *Revue de l'histoire des religions*. После окончания университета Д.Н.Овсяннико-Куликовский стажировался в Париже, интересовался французской психологической школой (Т.Рибо, П.Жане). Он использовал французский психологический подход для анализа проблем мифологии, литературоведения и художественного творчества. Психологизм в целом выступил для него в качестве исследовательского метода.

Согласно Д.Н.Овсяннико-Куликовскому, художественное познание действительности развивается в двух формах – наблюдения и опыта. На этом основании строилась типология литературного творчества: так, художник-наблюдатель совершает синтетический и стереоскопичный анализ жизни (В.Шекспир, А.С.Пушкин, И.С.Тургенев), а художник-экспериментатор предлагает углубленный анализ того или иного феномена (Н.В.Гоголь, Ф.М.Достоевский, М.Е.Салтыков-Щедрин, А.П.Чехов).

Как и для И.Тэна, для Д.Н.Овсяннико-Куликовского факты были важнее концепции, а литературные и исторические источники являлись документами, позволяющими реконструировать психологию и культуру того или иного народа, той или иной эпохи. Важным методом работы с литературным памятником служил текстологический анализ.

Другим методологическим инструментом анализа стало понятие *внутренней формы слова*, которое Д.Н.Овсяннико-Куликовский, заимствуя у А.А.Потебни, широко проинтерпретировал. Так, А.А.Потебня подчеркивал структурную сложность слова, включающего в себя: «внешний знак значения», «внутренний знак значения», «само значение». Согласно А.А.Потебне, знак значения может быть в форме звука или представления, последнее и есть внутренняя форма слова [Потебня, 1905, с. 19]. Теория литературного произведения А.А.Потебни строилась по аналогии с его представлением о структуре слова: «внешнему знаку значения» слова (звуку) соответствовало воплощение произведения в речи (письменной или устной); внутренней форме слова соответствовала система образов произведения (символизирующих его содержание); лексическому значению слова соответствовало содержание произведения. Согласно Д.Н.Овсяннико-Куликовскому, каждое слово имеет не только значение, но и образ, в котором оно воплощается, само слово навязывает нам то или иное представление. Слова с богатой внутренней формой более образны, художественны. В слове, помимо внешней (звуковой) формы и значения, есть представление, и «отношение представления к значению» Д.Н.Овсяннико-Куликовский называл внутренней формой слова. Внутренняя форма слова – след поэтичности, поэтическое дыхание в слове [Овсяннико-Куликовский, 1895, с. 23]. В обыденной речи слова истощаются и утрачивают свою поэтичность, а стало быть, и внутреннюю форму, поэтому в абстрактных понятиях внутренняя форма выхолощена.

Однако Д.Н.Овсяннико-Куликовского интересовали не только проблемы психологии языка и мышления, но и творчества в широком смысле слова. Междисциплинарный дискурс как исследовательский стиль сблизил его с И.Тэном. От языкознания Д.Н.Овсяннико-Куликовский эволюционировал к литературоведению и к вопросам истории культуры. С опорой на концепцию И.Тэна он разработал понятие «общественно-исторический тип», показав в трехтомном труде «История русской интеллигенции», как сменяющиеся типы в истории литературы отражают реальные социокультурные изменения. Общими для Д.Н.Овсяннико-Куликовского и И.Тэна были также позитивистские идеи. В духе времени Д.Н.Овсяннико-Куликовский пытался применить к анализу искусства и художественного творчества естественнонаучные методы. Он выделил два вида художественного творчества – наблюдательное и экспериментальное. В основе наблюдательного лежит установка реализма, в основе экспериментального – конструктивистская установка, своего

рода опыты над действительностью. Отметим, что выделенные методологические установки выступали для исследователя как идеальные модели: Д.Н.Овсяннико-Куликовский понимал, что художественные произведения, как правило, представляют собой смешанные типы. «Художник либо *наблюдает* действительность и в своем произведении подводит итог этим наблюдениям, либо делает своего рода *опыты* над действительностью, выделяя известные, интересующие его черты или ее стороны, которые даны в соединении с другими чертами, их заслоняющими. Сравнительно редко оба метода совмещаются в равной мере в даровании одного и того же художника. В большинстве случаев художники – либо наблюдатели по преимуществу, либо по преимуществу экспериментаторы» [Цит. по: Осьмаков, 1981, с. 66–67].

В 1890-е гг. Д.Н.Овсяннико-Куликовский обратился к работам Ф.Пинеля и П.Жане и др. – его привлекала тема аномальности, психических отклонений. Мало кто, изучая творчество, избежал соблазна аналогий «гений и безумие». Он различал также мышление обыденное и художественное. Его представления об эволюции психики явились результатом наложения на психическое развитие модели В.С.Соловьева (синкрет – дифференциация – синтез): сначала мысль и чувства представляют собой синкрет; затем дифференцируются, образуя две отдельные сферы, в будущем – вновь должен быть достигнут синтез. Мысль более универсальна, чувства более индивидуальны. Последние Д.Н.Овсяннико-Куликовский называл растратчиками душевной силы. Его определение личности характеризовало последнюю как со стороны общества («личность есть конечный результат психологической переработки индивида силами осложняющейся, прогрессирующей общественности» [Овсяннико-Куликовский, 2008, с. 276]), так и самоорганизации индивида (личность есть «синтез психических процессов индивида» [Овсяннико-Куликовский, 2008, с. 277]) и было близко пониманию личности П.Жане.

В представлениях о развитии Д.Н.Овсяннико-Куликовский придерживался идеи прогресса. Человеческую душу он рассматривал как продукт психической эволюции, в ходе которой происходит развитие умственной и чувственной сфер души, подчинение воли власти высших чувств и синтез всех психических процессов. Предпосылкой развития личности является осознание индивидом своего социального статуса в обществе. Рассматривая проблему через литературоведческие линзы, Д.Н.Овсяннико-Куликовский выделял в структуре личности *форму* и *содержание*: форма личности включает национальную среду, сословие и общественный класс, профессиональную среду; к содержанию личности относятся физиологические особенности, склад ума и характера, личные вкусы и пристрастия, нравственные качества, стремления. Также Д.Н.Овсяннико-Куликовский выделял центр и периферию личности. Он предложил иллюстративную модель личности, представляющую собой в «поперечном срезе» ряд концентрических кругов: самый широкий круг – *национальный*, затем идут круг *исторически-классово-сословных черт*, круг *профессиональных черт*, круг местных черт и т.д.

Центр личности – это ее содержание. «Все окружающие эту точку концентрические круги форм, как обручами, сжимают и скрепляют личность. Они-то и объединяют ее, они вносят чрезвычайно важный вклад в дело организации личности, в дело создания ее синтеза» [Овсяннико-Куликовский, 2008, с. 284]. Формы личности исторически сменяются в зависимости от общественной эволюции. «Историческая смена классовых форм есть историческая смена общественных типов личностей. Рядом с этим идет усиление разнообразия, увеличение сложности» [Там же]. Идеал развития человека для Д.Н.Овсяннико-Куликовского – это совершенное содержание личности, которое вбирает в себя все лучшее, что выработала на сегодняшний день цивилизация. («Личность – продукт цивилизации» [Там же. С. 278]).

В развитии личности (индивид → личность → индивидуальность) Д.Н.Овсяннико-Куликовский различал две фазы: (индивид → личность) – движение к обществу, социализация; (личность → индивидуальность) – движение от общества, индивидуализация. Однако личность есть не только высший психический синтез всех сфер души и «продукт общественности», но результат развития *социальных чувств*. Отметим, что классификация чувств Д.Н.Овсяннико-Куликовского отличалась оригинальностью, он разделил человеческие чувства на *органические*, *над-органические*,

социальные и над-социальные. Особое место в совершенном развитии человека занимают *над-социальные чувства* (чувства религиозные и нравственные). Религия и этика выступают «могущественными двигателями» эволюции общества, их особенность в том, что они синтезируют две сферы души человека – мысль и чувство. Для развития личности важно «нечто возвышающееся над общественностью», например совесть, нравственный императив, становясь внутренним стержнем личности, освобождает ее от воздействия данного общества.

Освобождение личности от диктата общества позволяет ей развить ответственность за счет возникновения смысловых образований. Обратим внимание на отголоски в данной концепции идей И.Тэна, который социализацию личности (как и цивилизованность общества) связывал со свободой. В «Происхождении современной Франции» он отмечал, что личность развивается в малых самоорганизующихся сообществах (земствах, религиозных общинах, гильдиях, творческих ассоциациях), а централизация власти губительна как для общества, так и для человека. Честь и совесть выступают координатами развития личности, где честь напоминает о правах, а совесть – об обязанностях [Тэн, 1907].

Подобно тому как культурно-историческая методология И.Тэна воплотилась не в программной статье, а в пяти томах «Происхождения современной Франции», концепция развития личности в контексте смены общественно-исторических форм была реализована Д.Н.Овсянником-Куликовским в трехтомном исследовании «История русской интеллигенции». В данном исследовании он отметил разрыв между глубиной и динамикой душевной жизни интеллигенции и заострением форм социальной жизни общества в качестве основной причины духовного и социально-политического кризиса, показал неразрывную связь проблем образования с общим состоянием культуры [Овсянник-Куликовский, 1909].

В 1922 г. вышла небольшая работа Д.Н.Овсянника-Куликовского «психология национальности», в которой автор предложил собственную «теорию психологии национального уклада», отметил неразработанность проблемы национальных различий, сведение национальной психики к ее описаниям. «К сожалению, из этих описаний явствует, во-первых, то, что их авторы не знают, что такое национальность как совокупность определенных психических признаков, и часто смешивают понятие национальности с понятием расы, и, во-вторых, еще то, что национальному укладу разных народов они сплошь и рядом приписывают такие черты, которые при ближайшем рассмотрении оказываются вовсе не национальными, а, например, классовыми и сословными» [Овсянник-Куликовский, 1922, с. 3–4]. Для Д.Н.Овсянника-Куликовского национальность выступала как *форма*, поддерживающая психическое разнообразие. «Все мы имеем национальность, и наша психика работает на ее основах, в ее формах, а потому мы и не замечаем психологического значения национальности для правильного развития, для нормального отправления душевных функций личности, как не замечаем... воздуха, которым дышим» [Овсянник-Куликовский, 2008, с. 280–281]. Национальность есть «психологическая форма личности, которая придает ей своеобразный душевный склад», но не определяет содержания [Там же. С. 281].

Не останавливаясь в подробностях на «психологии национальности», отметим, что, подобно И.Тэну, Д.Н.Овсянник-Куликовский полагал, что «следы» культурно-исторической эпохи и личности (историческую психологию) можно постичь посредством анализа литературных произведений (памятников). К культурно-историческому методу Д.Н.Овсянник-Куликовский добавил методы психологического анализа личности и ее творчества. Следуя культурно-аналитической методологии И.Тэна, Д.Н.Овсянник-Куликовский пытался осмыслить всю связку: психологический склад → художественное творчество → произведение. Лирику он рассматривал как художественное выражение эмоциональных состояний. Согласно Д.Н.Овсяннику-Куликовскому, великое творчество есть и психологическое явление, и культурное. «Великого поэта нельзя и понять иначе, как устанавливая и выясняя психологическую связь его творчества с национальным гением его народа» [Овсянник-Куликовский, 2008, с. 2].

Заключение

Сравнительный анализ российской и французской интеллектуальных традиций рубежа XIX–XX вв. позволяет выявить коммуникативные точки в области гуманитарного познания, обусловленные определенным сходством историко-эволюционных контекстов (осмысление социокультурного опыта и роли элит в развитии общества), широким распространением французского языка в среде российских интеллектуалов XIX в., эмиграционными волнами начала XX в. Что же касается непосредственно выбранных для сравнительного анализа источников, то междисциплинарный дискурс, эрудированность, свободное скольжение по сферам гуманитарных наук, внимание к деталям и к культурно-историческому контексту, приемы культурно-психологического анализа, – все это сближало между собой исследовательские подходы И.Тэна и Д.Н.Овсяннико-Куликовского, которых по праву можно считать основоположниками *культурно-психологической эпистемологии*.

Культурно-психологическая эпистемология – всего лишь семантика для обозначения определенных исследовательских стратегий, актуализирующая задачу изучить эти стратегии, разбросанные не только в психологии, но и в истории науки, в истории культуры в целом, и придать им форму единого подхода (проинтерпретировав с позиции современной познавательной ситуации в науке – например, через методологическую оптику постнеклассической рациональности). Решение же названной задачи имеет самое непосредственное отношение к развитию отечественной культурно-исторической психологии.

В современном мире культурно-историческая психология не может быть наукой пирамидального типа с единым центром и монистической установкой (что было характерно для наук классического и неклассического типа). В качестве постнеклассической науки культурно-историческая психология представляет собой конгломерат разнообразных культурно-психологических исследований с различным дисциплинарным статусом и, соответственно, требует конструирования особой методологии, сочетающей возможности сетевых, постмодернистских (организованных по принципу «ризомы»), либеральных и системно-эkleктических подходов. В этом контексте становится важным не только преодоление «кустовой» фрагментированности знания, но и достижение его «стержневой» интеграции – восстановление преимущественности интеллектуальных традиций. Опыт последнего и явилась сравнительная интерпретация культурно-психологических идей Д.Н.Овсяннико-Куликовского и И.Тэна в свете актуальных методологических проблем сегодняшнего дня.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Национального центра научных исследований Франции (CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique), проект 09-06-95321a/фр «Взаимосвязь и взаимовлияние российской и французской гуманитарной науки в первой половине XX века».

Литература

Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход в психологии и методологии гуманитарных исследований // Вопросы психологии. 2009. N 5. С. 16–26.

Кареев Н.И. Историки французской революции [Электронный ресурс]. Л.: Колос, 1924. С. 69–111. URL: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kareev_tain.pdf (дата обращения: 15.08.2010)

Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993.

Козина Е. Тэн [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия: в 11 т. / гл. ред.

А.В.Луначарский. М.: Худож. лит., 1939. Т. 11. С. 463–465. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/leb/leb-4621.htm> (дата обращения: 15.08.2010)

Овсянико-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции: Итоги русской художественной литературы 19 века // Собр. соч. М.: Изд-во В.М.Саблина, 1907.

Овсянико-Куликовский Д.Н. Вопросы психологии творчества: Пушкин. Гейне. Гете. Чехов. К психологии мысли и творчества. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008.

Овсянико-Куликовский Д.Н. Психология национальности. Петроград: Время, 1922.

Овсянико-Куликовский Д.Н. Язык и искусство. СПб.: Изд-во И.Юровского, 1895.

Осьмаков Н.В. Психологическое направление в русском литературоведении: Д.Н.Овсянико-Куликовский. М.: Просвещение, 1981.

Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков: Тип. «Мирный труд», 1905.

Тэн И. Критические опыты / пер. с фр. под ред. В.Чуйко. СПб.: Тип. Н.Неклюдова, 1869.

Тэн И. Об уме и познании / пер. с фр. под ред. Н.Н.Страхова. СПб.: Изд-во С.Гиероглифова, Тип. Н.Скарятина, 1872.

Тэн И. Французская философия первой половины XIX-го века: пер. с 6-го фр. изд. СПб.: Изд-во Юрид. книж. магазина В.П.Анисимова, Тип. М.Меркушева, 1896.

Тэн И. Происхождение современной Франции: в 5 т. [Электронный ресурс] / пер. с фр. под ред. А.В.Швырова. СПб.: Изд-во журнала «Вестник иностранной литературы», 1907.

URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=012&id=3490&cType=1> (дата обращения: 15.08.2010)

Тэн И. История английской литературы. Введение // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Статьи. Трактаты. Эссе / сост., общ. ред. Г.К.Косикова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 72–94.

Тэн И. Философия искусства. М.: Республика, 1996.

Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство, 2005.

---

[1] «Тэн очень ярко изображает все страдания народа под режимом привилегий, произвола, эксплуатации, но и показывает, что этот режим не мог иметь следствием что-либо другое, как не самый этот невежественный, тупоумный, легковверный, озлобленный, насильственный, одержимый страстью к разрушению народ. Политический деспотизм разъединил классы, распылил общество, отнял у индивида его силу, чем обусловил дорогу, по которой пошла революция» [Кареев, 1924]

[2] «Таковы наши якобинцы: они вырастают из общественного расклада, точно грибы из перебродившей почвы. Изучим теперь их внутренний строй, который у них существует вроде того, как некогда существовал у пуритан, – достаточно прозондировать до глубины их ученье, чтобы проникнуть в их странную психологию с нарушенным умственным равновесием и извращенными чувствами. Необычайные контрасты соединяются для того, чтобы образовать якобинца. Это сумасшедший, у которого есть логика, и чудовище, думающее, что у него есть совесть. Будучи одержим своим догматом и своею гордостью, он приобрел два уродства, одно умственное, другое моральное: он потерял здравый смысл и извратил в себе нравственное чувство. Созерцая свои

абстрактные формулы, он кончил тем, что перестал видеть реальных людей» [Тэн, 1907, т. 3, с. 10].

[3] Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) – видный представитель культурно-исторического метода в литературоведении, занимался также этнографией и палеографией. Его научное наследие (более тысячи работ) все еще ожидает исследователей. Наиболее известны «История русской этнографии» (в 4 томах) и «История русской литературы» (в 4 томах).

[4] Аκριβια (греч.) – точность, скрупулезность.

[5] Фафнер – в скандинавском эпосе дракон, охраняющий клад.

Поступила в редакцию 12 августа 2010 г. Дата публикации: 31 октября 2010 г.

[Сведения об авторе](#)

Гусельцева Марина Сергеевна. Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: mguseltseva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Гусельцева М.С. Творческое наследие И.Тэна и Д.Н.Овсянко-Куликовского: культурно-психологическая эпистемология [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 5(13). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421000116/0049.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в реестре ФГУП НТЦ "Информрегистр".]

[К началу страницы >>](#)